

УДК 821.161.1.09

Сойкувет Роксана Эргюновна
магистрант 2 г.о. направления «Русская филология»
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»
Soykuvet Roxana Ergyunovna
2nd year Master's student in Russian Philology
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ С.А. ЕСЕНИНА:
ОТ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ К АВТОРСКОМУ МИФУ
FOLKLORE IMAGES AND MOTIFS IN THE POETIC WORLD OF S.A. YESENIN:
FROM FOLK TRADITION TO THE AUTHOR'S MYTH**

Аннотация. Статья посвящена анализу фольклорных образов и мотивов в творчестве С.А. Есенина. В центре внимания – механизмы трансформации элементов народной культуры (антропоморфизма, обрядовой символики, мифологических архетипов, песенной ритмики) в индивидуально-авторский поэтический миф. На материале стихотворений «Береза», «Черемуха», «Гой ты, Русь моя родная...», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Спит ковыль...», поэм «Анна Снегина» и «Пугачев», а также прозаического рассказа «Бобыль и Дружок» рассматривается, как фольклорные мотивы формируют национальный характер лирического героя и создают целостный образ русского мира. В работе привлекаются современные методы мифопоэтического и этнолингвистического анализа, что позволяет сделать вывод о структурообразующей, а не декоративной роли фольклора в есенинской художественной системе. Делается вывод, что обращение к фольклору для Есенина – не стилизация, а способ выражения глубинной связи индивидуального сознания с коллективным опытом народа.

Abstract. The article analyzes folklore images and motifs in the works of S.A. Yesenin. The focus is on the mechanisms of transforming elements of folk culture (anthropomorphism, ritual symbolism, mythological archetypes, song rhythmicity) into an individual author's poetic myth. Based on the poems "The Birch," "The Bird Cherry," "Go you, Rus', my dear...", "Beloved land! The heart dreams of...", "The feather grass sleeps...", the poems "Anna Snegina" and "Pugachev," as well as the prose story "The Bobyl and Druzhok," the article examines how folklore motifs shape the national character of the lyrical hero and create a holistic image of the Russian world. The work employs modern methods of mythopoetic and ethno-linguistic analysis, which allows us to conclude that folklore plays a structure-forming rather than decorative role in Yesenin's artistic system. It is concluded that Yesenin's appeal to folklore is not a stylization, but a way of expressing the deep connection of individual consciousness with the collective experience of the people.

Ключевые слова: С.А. Есенин, фольклорные мотивы, национальный характер, антропоморфизм, мифопоэтика, образ природы, поэтический язык.

Keywords: S.A. Yesenin, folklore motifs, national character, anthropomorphism, mythopoetics, image of nature, poetic language.

Введение

Творчество Сергея Александровича Есенина представляет собой уникальное явление в русской литературе XX века, поскольку именно в его поэзии органический синтез народной традиции и индивидуального авторского начала достиг высшей точки. Есенин не просто использовал фольклорные элементы как декоративный материал – он мыслит категориями народной культуры, воспроизводя в своих произведениях глубинную мифопоэтическую картину мира русского крестьянства.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов взаимодействия фольклорной традиции и авторского сознания. В эпоху

глобализации, когда национальные культуры испытывают мощное унифицирующее давление, опыт Есенина, сумевшего через личное переживание выразить коллективный опыт народа, приобретает особую ценность. Кроме того, как отмечает С.Н. Азбелев, обращение к подлинному фольклору и его художественной трансформации позволяет проследить глубинные процессы сохранения национальной идентичности в литературе советского и постсоветского периодов [1, с. 22].

Степень изученности проблемы. Традиция изучения фольклоризма Есенина насчитывает несколько десятилетий. В работах Е.А. Самоделовой детально исследованы этнографические и фольклорные контексты произведений поэта, включая прозаические опыты [11; 12]. М.А. Дударева рассматривает мифопоэтические аспекты поэм, вводя понятие «ритуального хаоса» как структурообразующего элемента [4]. Л.В. Евдокимова убедительно показывает связь есенинских метафор с жанром народной загадки [5]. В последние годы исследователи обращаются к комплексному анализу цветовой картины мира (О.В. Лысова, А.Ш. Абдуллина, М.Ю. Сайсанова) [8] и семантике метафоры в риторическом пространстве текста (Ю.С. Краснова) [7]. Тем не менее, целостный анализ фольклорных образов и мотивов как единой мифопоэтической системы, объединяющей поэзию и прозу Есенина, остается востребованным.

Цель работы – выявить и проанализировать систему фольклорных образов и мотивов в произведениях Есенина, показать, как традиционные элементы народной культуры преобразуются в индивидуально-авторский поэтический миф.

Эмпирическую базу составили произведения, наиболее репрезентативные с точки зрения присутствия фольклорных элементов: ранние стихотворения «Береза» (1913), «Черемуха» (1915), «Гой ты, Русь моя родная...» (1914), «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914), «Спит ковыль. Равнина дорогая...» (1925), поэмы «Анна Снегина» (1925) и «Пугачев» (1921), а также прозаический рассказ «Бобыль и Дружок».

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении фольклорных элементов не только на уровне тематики и лексики, но и в аспекте мифопоэтической структуры, объединяющей поэзию и прозу Есенина, а также в привлечении современных данных этнолингвистики и семиотики для интерпретации традиционных образов.

1. Антропоморфизм и мифология природы в ранней лирике. Уже в первых поэтических опытах Есенина проявляется фундаментальная особенность его художественного мира – одухотворение природы, восходящее к языческим представлениям славян. Природа для него не пейзаж и не фон для человеческих переживаний, а живое, дышащее существо, способное чувствовать, действовать и вступать в диалог с человеком. Как справедливо отмечает А.Б. Батыгова, «природа у Есенина – это не просто объект описания, это соучастник лирического переживания, наделенный собственной волей и голосом» [2, с. 12].

Классическим выражением этого принципа стало стихотворение «Береза» (1913) – первое опубликованное произведение поэта:

*«Белая береза под моим окном
Принакрылась снегом, точно серебром».*

Глагол «принакрылась» несет в себе мощный антропоморфный заряд. Береза уподобляется девушке или женщине, которая накидывает на плечи нарядное покрывало. Это не просто поэтическое олицетворение, а отражение архаического мировосприятия, в котором дерево мыслится как живое существо. Берёза в народной традиции – один из главных символов России, и уже в этом раннем стихотворении Есенин задаёт ключевую для всего творчества парадигму: через образ дерева раскрывается образ родины.

Стихотворение «Черемуха» (1915) развивает и углубляет этот подход. Здесь антропоморфизм приобретает черты развернутого мифологического сценария:

*«Черемуха душистая с весною расцвела
И ветки золотистые, что кудри, завила».*

Сравнение веток с кудрями («что кудри») вводит мотив девичества, невесты. Ручей, в свою очередь, предстает в образе жениха:

*«А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей...
И ветки золотистые,
Что кудри, завила,
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет».*

Перед нами не просто параллелизм явлений природы, а воспроизведение архетипической модели брачного союза, характерной для календарно-обрядовой поэзии. Весеннее цветение черемухи и пробуждение ручья осмысляются как любовное свидание, свадьба. Есенин, таким образом, не заимствует готовые фольклорные формулы, а воссоздает сам принцип мифологического мышления, для которого природные процессы тождественны человеческим отношениям.

Расширяет этот ряд стихотворение «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914), где антропоморфизм приобретает еще более интимное звучание:

*«Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных».*

Образ «скирд солнца» восходит к фольклорной метафоре, уподобляющей солнце урожаю, богатству. Ю.А. Южакова в своем исследовании флоронимов Есенина подчеркивает, что «зеленя» в контексте русского фольклора символизируют не просто всходы, но саму идею плодородия, продолжения рода, что придает пейзажу черты сакрального пространства [13, с. 74].

2. Фольклорная лексика и сакральный образ Родины. Стихотворение «Гой ты, Русь, моя родная...» (1914) демонстрирует, как Есенин использует лексические и синтаксические ресурсы фольклора для создания возвышенного, почти иконописного образа России.

Начальное «Гой ты» – архаическое междометие, характерное для былинной традиции. Оно использовалось как формула славящего обращения к герою или к народу («Гой вы, люди добрые!»). Вводя это слово в лирическое стихотворение, Есенин сразу задаёт эпическую тональность: речь пойдет не о частном переживании, а о судьбе и сущности всей Русской земли.

Вторая строка создает поразительный по своей смысловой насыщенности образ:

«Хаты – в ризах образа».

Риза – это металлический оклад на иконе. Уподобля деревенские хаты иконам в драгоценных окладах, Есенин сакрализует крестьянский быт. Изба перестает быть просто жилищем – она становится частью храмового пространства, сама Россия предстает как огромный храм. Это переключается с народным представлением о «земле обетованной», о крестьянском труде как служении, но одновременно является глубоко авторским, есенинским образом.

Далее мотив сакральности усиливается:

*«Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвонит девичий смех».*

Смех девушек сравнивается с сережками – деталью не только бытовой, но и обрядовой (серьги – обязательный элемент девичьего праздничного костюма). И если в конце первой строфы звучит почти религиозный трепет («Не надо рая, дайте родину»), то в финале возникает мотив радостного единения с миром, характерный для народного праздничного мироощущения.

Е.В. Михайлова и А.И. Лазовская, анализируя концепты «Родина» и «Природа» в языковой картине мира Есенина, приходят к выводу, что «фольклорная лексика у поэта не является стилизацией, но служит средством выражения архетипического переживания родины как сакрального, неотчуждаемого пространства» [9, с. 73].

Типологически это произведение совпадает с широко известными «Проводами» Д. Бедного, отличаясь от последних именно характером позиционирования автора. Как отмечает К.К. Бауаев, Д. Бедный, стилизуя своё стихотворение под народную песню, использует нарочитую политическую амбивалентность персонажей, частушечный ритм и подчёркнуто диалектный глоссарий, однако выражает свою осознанную авторскую волю чётко оформленным дидактическим посылом [3, с. 238]. Есенин же избегает дидактики, создавая образ родины как мифа, в который он сам погружен всем своим существом.

Позднее, в стихотворении «Спит ковыль. Равнина дорогая...» (1925), фольклорные мотивы обретают трагическое звучание. Образ «ковыля» – традиционный для народной поэзии символ степи, разлуки, пути – соединяется с мотивом уходящей Руси:

*«Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь».*

Здесь фольклорная образность служит не идеализации патриархального прошлого, а выражению глубокого разрыва между традиционным укладом и новой реальностью, что придает поздней лирике Есенина особую философскую глубину.

3. Мифопоэтические архетипы в поэмах «Анна Снегина» и «Пугачев». В крупных эпических формах фольклорные мотивы у Есенина выходят на новый уровень. Если в лирике они проявляются преимущественно через систему тропов и лексику, то в поэмах поэт обращается к глубинным архетипическим структурам.

В поэме «Анна Снегина» (1925) ключевую роль играют архетипы Луны и Пути. Исследователь М.А. Дударева отмечает, что перемещения лирического героя в пространстве неизменно сопровождаются луной, что встраивает произведение в ритуально-сакральный контекст [4, с. 45]:

*«Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень».*

Луна в народной традиции – символ потустороннего мира, времени, судьбы. Её появление в момент возвращения героя в родные места знаменует не просто смену дня и ночи, но переход в иное, сакральное измерение времени – в прошлое, в память. Архетип Пути также реализуется в поэме как ритуальное путешествие: герой возвращается не просто в географическую точку, а в мир своего детства, в утраченный рай, что придаёт поэме эгегическое звучание. Дударева вводит понятие «ритуального хаоса» – состояния, в котором нарушаются привычные пространственно-временные координаты, и герой оказывается в мифологическом времени «начала» [4, с. 47].

Ещё более сложную мифологическую структуру мы находим в поэме «Пугачев» (1921). Здесь фольклорно-мифологическая образность служит для раскрытия трагической судьбы бунтаря. Характерный пример – метафора луны:

*«Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается».*

Это сравнение не является произвольным имажинистским образом. Как указывает М.А. Галиева (в интерпретации, поддержанной С.Н. Азбелевым), оно восходит к архаическим представлениям, связывающим луну с медведем и женским началом [1, с. 28]. В славянской мифологии медведь – хтоническое животное, связанное с лесом, хаосом, потусторонним миром. Уподобление луны медведю создаёт атмосферу тревоги, предчувствия катастрофы, раскрывая трагическую подоплеку пугачевского бунта. Есенин здесь использует не внешнюю, а глубинную, смыслообразующую функцию фольклорной метафоры.

В. Попель-Махницки справедливо замечает, что «Пугачев» у Есенина – это не историческая хроника, а мифопоэтическая драма, в которой фольклорные архетипы (разбойник, самозванец, народный заступник) проецируются на трагедию личности, осознавшей свою обреченность [10, с. 154].

4. Прозаический опыт: «Бобыль и Дружок» в контексте фольклорной традиции.

Фольклорные мотивы проникают не только в поэзию, но и в прозу Есенина. Рассказ «Бобыль и Дружок», как показывает в своих работах Е.А. Самоделова, представляет собой особый интерес с точки зрения взаимодействия с народной традицией [12, с. 112].

Исследовательница отмечает, что синтаксическая структура рассказа, система образов и даже отбор деталей ориентированы на фольклорный канон. Центральным становится образ дерева как символа жизни и смерти, укоренённый в народной поэзии. Бобыль и его верный пёс Дружок оказываются вписаны в круг природного бытия, где смерть не является окончательным исчезновением, но лишь переходом в иное состояние.

Конкретное воплощение фольклорной поэтики находим в описании смерти старика: *«Смерть подошла к нему тихая, как осень, и сказала: – Ну, старый, теперь твой срок. Пойдем со мной. Бобыль вздохнул, перекрестился на угол и пошел за нею»*. Персонафикация смерти (тихая, как осень), диалог с ней, крестное знамение перед уходом – всё это восходит к народным духовным стихам и похоронным причитаниям. Самоделова подчеркивает, что «образ смерти-осени соединяет природный цикл с человеческой судьбой, что характерно для крестьянского мировосприятия, зафиксированного в фольклоре» [12, с. 116].

Не менее показателен эпизод с собакой Дружком, который после смерти хозяина ложится на его могилу и умирает: *«И остался Дружок на могиле лежать, пока не засыпала его земля, как одеялом»*. Мотив верности животного, разделяющего судьбу хозяина, широко представлен в сказках и быличках, но у Есенина он лишён назидательности, приобретая черты притчи о неразрывной связи всего живого.

Рассказ демонстрирует, что для Есенина фольклор – это не набор стилистических приёмов, а целостное миропонимание, распространяющееся на все жанры. Как дополняет Ю.А. Южакова, «даже в прозе Есенин сохраняет принцип антропоморфизма: природа здесь – не фон, а полноценный персонаж» [13, с. 77].

5. Поэтика фольклорной метафоры и загадки.

Особое место в поэтической системе Есенина занимают метафоры, восходящие к жанру народной загадки. Л.В. Евдокимова убедительно показывает, что многие религиозные и натурфилософские образы поэта имеют своим источником не книжную традицию, а фольклорную загадку, которая выступает как культурный код, носитель архаических представлений о мире [5, с. 60].

Принцип загадки – уподобление одного явления другому на основе скрытого сходства – лежит в основе многих есенинских метафор. Когда поэт пишет *«заря холоднее кукушки»* или *«солнце, как кошка, лапкой меня тревожит»*, он действует не как литератор, подбирающий эффектное сравнение, а как носитель мифологического сознания, для которого мир пронизан тайными связями и подобиями.

Ю.С. Краснова, анализируя моделирование семантики метафоры в риторическом пространстве текста Есенина, приходит к выводу, что «фольклорная загадка задает структуру, в которой предмет и образ меняются местами, создавая эффект “обратимого мира”, где возможно всё» [7, с. 98].

Этот тип образности позволяет Есенину достичь поразительной смысловой глубины при внешней простоте словаря. Его метафоры всегда укоренены в конкретном, чувственном опыте, но ведут к обобщениям мировоззренческого масштаба.

Дополнительным аспектом, связывающим фольклорную традицию с авторским мифом, является цветовая символика. О.В. Лысова, А.Ш. Абдуллина и М.Ю. Сайсанова в своем исследовании гармонии цветообраза в поэзии Есенина показывают, что цветовая гамма поэта (золотой, синий, розовый) восходит к фольклорной символической гамме, но трансформируется в индивидуальную систему, где «золотое» становится знаком уходящего патриархального рая, а «синее» – символом безбрежности и трагической судьбы [8, с. 33].

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что фольклорные образы и мотивы в творчестве С.А. Есенина выполняют не декоративную, а структурообразующую функцию. Поэт не заимствует готовые элементы народной культуры, а воссоздаёт сам тип мифологического мышления, для которого характерны антропоморфизм, отождествление природных и человеческих процессов, сакрализация быта, архетипичность образов.

В ранних стихотворениях («Береза», «Черемуха», «Край любимый! Сердцу снятся...») фольклор проявляется через систему олицетворений, восходящих к языческим представлениям о живой природе. В гражданской лирике («Гой ты, Русь моя родная...», «Спит ковыль...») фольклорная лексика служит для создания сакрального образа родины, который в поздний период приобретает трагическое звучание. В поэмах («Анна Снегина», «Пугачев») Есенин обращается к архетипическим структурам (Луна, Путь, хтонические образы), придавая историческим событиям мифологическое измерение. В прозе («Бобыль и Дружок») фольклорная поэтика определяет синтаксис и систему образов, связывая литературный текст с локальной крестьянской традицией.

Привлечение работ современных исследователей (Е.А. Самоделовой, М.А. Дударевой, Л.В. Евдокимовой, Ю.С. Красновой, О.В. Лысовой и др.) позволило не только расширить корпус анализируемых источников, но и выявить глубинные механизмы трансформации фольклорных элементов: через метафору загадки, цветовую символику, архетипические структуры.

Таким образом, фольклор для Есенина – не стилизация и не дань литературной моде, а способ выражения национального характера, глубинная основа его поэтического мира. Именно эта органическая связь с народной традицией, подкреплённая современными методами мифопоэтического анализа, обеспечила его поэзии непреходящую актуальность и способность говорить с читателем на универсальном языке, понятном и близком каждому, кто соприкасается с русской культурой

Список литературы:

1. Азбелев С.Н. Из подлинного фольклора советского периода // Исторический формат. – 2022. – № 1 (29). – С. 20–35.
2. Батыгова А.Б. Тема природы в творчестве С.А. Есенина // Вестник науки. – 2019. – № 2 (11). – С. 10–15.
3. Бауаев К.К. Критерии «новописьменности» и авторское самосознание // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 237–245.
4. Дударева М.А. С.А. Есенин и фольклор: «Ритуальный хаос» в поэме «Анна Снегина» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 40–48.
5. Евдокимова Л.В. Метафоры фольклорной загадки как источник религиозной образности С.А. Есенина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 55–63.
6. Есенин С. А. Собрание сочинений: в 3 т./ Есенин – М.: Правда –1930–1 – 432 с.
7. Краснова Ю.С. Моделирование семантики метафоры в риторическом пространстве текста С.А. Есенина // Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – № 12. – С. 95–105.
8. Лысова О.В., Абдуллина А.Ш., Сайсанова М.Ю. Гармония цветообраза в поэзии С.А. Есенина как визуализация теории цвета // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3-3 (105). – С. 30–35.
9. Михайлова Е.В., Лазовская А.И. Концепты «Родина» и «Природа» в языковой картине мира С. Есенина // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. – 2007. – № 1 (16). – С. 70–75.
10. Попель-Махницки В. Поэзия С. Есенина: опыт современной интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2006. – № 5. – С. 150–160.

11. Самоделова Е.А. «Бабушкины сказки» С.А. Есенина: фольклорно-этнографический и литературный контексты // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2023. – № 2 (79). – С. 85–95.

12. Самоделова Е.А. «Бобыль и Дружок» С.А. Есенина: к полемике о жанровом статусе и фольклорных истоках поэтики текста // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2023. – № 4 (81). – С. 108–118.

13. Южакова Ю.А. Флоронимы в лирике С.А. Есенина // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 3 (26). – С. 72–78

